

II. РАЗРЫВ И ЗАГОВОР (1934 — 1939)

1. XVII съезд партии. Начало разрыва

26 января 1934 г. открылся XVII партийный съезд, который должен был подвести итоги «великого перелома» и утвердить плановые показатели второй пятилетки (год спустя после ее начала). Казалось, что этот, по выражению Кирова, «съезд победителей» продемонстрировал возврат к единству и победу Сталина. Во время съезда был разыгран спектакль возврата к партийной линии нескольких видных деятелей прежней оппозиции — Бухарина, Рыкова, Томского, Пятакова, Зиновьева, Каменева. Подвергнув себя вначале более или менее заслуженной самокритике, они перешли затем к славословию в адрес Сталина, провозглашая его вождем мирового пролетариата, несравненным гением эпохи или, попросту, величайшим человеком всех времен и народов. В этом слаженном хоре льстецов не прозвучало ни одного голоса, который усомнился бы в правильности гигантских планов, принятых в 1929 — 1930 гг. и приведших к известным результатам. Ораторы предпочитали повернуться спиной к реальной жизни и, пользуясь своего рода закодированным языком, вносили свой вклад в создание мифа. Они разоблачали тех коммунистов, которые не способны были воплотить в жизнь всегда непогрешимые директивы высшего партийного руководства.

И все же планы второй пятилетки стали на съезде предметом оживленных споров. В итоге многочисленных дискуссий курс на ускоренную индустриализацию (19% ежегодного роста производства), предложенный Сталиным и поддержанный Молотовым, был отвергнут. Возобладало более умеренное направление (16% роста), поддержанное Кировым, Орджоникидзе и большей частью руководства народным хозяйством, стремившегося несколько ослабить возникшую в ходе реализации ускоренного курса напряженность. На съезде, как ни парадоксально, обнаружилось некоторое ослабление позиций Сталина. Один из новейших советских источников сообщает, что во время выборов нового ЦК, проводившихся тайным голосованием, Сталин получил меньше голосов, чем многие другие кандидаты. Киров, очень тепло встреченный съездом, получил наибольшее количество голосов, а многие бывшие оппозиционеры (Пятаков, Бухарин, Рыков, Томский) снова были выбраны в состав Центрального Комитета партии.

Однако никто на съезде не осмелился подвергнуть сомнению ни основы самой системы, ни правильность планов периода «великого перелома». В итоге Сталин не только сумел при помощи изощренной аргументации предотвратить возможную критику в адрес его методов руководства страной начиная с 1929 г., но и наметил некоторые предпосылки будущей политики террора и репрессий. Он заявил о победе партийной линии в построении социализма. «Если на XV съезде приходилось еще доказывать правильность линии партии и вести борьбу с известными антиленинскими группировками, а на XVI съезде — добывать последних приверженцев этих группировок, то на этом съезде — и доказывать нечего, да, пожалуй — и бить некого». «После того, как дана правильная линия, после того, как дано правильное решение вопроса, успех дела зависит от организационной работы, от организации борьбы за проведение в жизнь линии партии...» «„Организационная работа решает все, в том числе и судьбу самой политической линии...» Выводы, следующие из доклада Сталина, были ясны: поскольку линия партии верна, то существующие проблемы объясняются разрывом между директивами партийного руководства и тем, как они выполняются. Этот разрыв возник в результате организационных слабостей, плохого подбора

кадров, отсутствия самокритики, бюрократизма и преступной халатности местных органов, которые искажают политику партии, игнорируя ее директивы. Сталин разработал целую классификацию виновников: «неисправимые бюрократы», обманывающие свое руководство и срывающие выполнение указаний партии; честные болтуны, преданные советской власти, но неспособные руководить, неспособные что-либо организовать;

«люди с известными заслугами в прошлом, люди, ставшие вельможами, люди, которые считают, что партийные и советские законы писаны не для них, а для дураков». Девяносто процентов всех трудностей, по мнению Сталина, проистекали из отсутствия организованной системы контроля за выполнением принятых решений.

Идея разрыва позволяла развивать идею заговора. Ведь на самом деле очень сложно было провести грань между невыполнением плана и умышленным саботажем. Появление идеи разрыва и заговора было результатом чудовищной политической слепоты, отказа от анализа действительных причин провалов и трудностей в выполнении намеченных задач. Отказавшись от этого анализа, власти все больше вступали на путь мифотворчества. Стремление уйти от действительности проявилось и в появлении в языке своеобразных клише и штампов, патетических по звучанию, но мало соответствующих истине. Это мистифицирование было направлено на превращение любого партийного решения в непреложную истину. Таким образом, партийная линия становилась догмой. Сомнение в ней уже означало предательство.

Получавшая, таким образом, право на существование идея заговора, легко объяснявшая все неурядицы, быстро внедрялась в сознание масс. Об этом ярко свидетельствуют, в частности, жалобы населения, извлеченные из дел сохранившегося в неприкосновенности, неподчищенного Смоленского архива. Как видно из этих жалоб, простые граждане никогда не подвергали сомнению основ самой системы, а виновных в своем тяжелом, часто невыносимом существовании искали среди конкретных личностей — чаще всего среди местных партийных и советских работников, с которыми им обычно приходилось иметь дело. Это было причиной их глубоко враждебного отношения к бюрократам — кадровым работникам, чьи карьеризм, продажность, праздность и «барские привилегии» вызывали глубокую ненависть у простых тружеников. Антибюрократические установки Сталина носили чисто популистский характер, объясняя трудности момента темными махинациями «лжекоммунистов». Они были приняты в низах и способствовали укреплению союза между народом и их вождем.

1934 г., границы которого — XVII съезд партии (26 января — 10 февраля) и убийство Кирова (1 декабря), характеризовался противоречивыми тенденциями. С одной стороны, наблюдалось усиление репрессивных мер, напоминавших самые мрачные годы первой пятилетки, — завершена коллективизация 5 млн. оставшихся индивидуальных крестьянских хозяйств, произведены многочисленные аресты председателей колхозов, издан закон об ответственности семей репрессированных. С другой стороны, произошли некоторые очевидные послабления. Были частично амнистированы спецпереселенцы — большей частью раскулаченные крестьяне, — честный труд которых и лояльное отношение к советской власти приняли во внимание. Произошла некоторая либерализация избирательного режима, в результате которой количество «лишенцев», то есть лиц, лишенных гражданских прав, снизилось с 4 до 2,5% общей численности населения. Было объявлено о предстоящей с 1 января 1935 г. отмене хлебных карточек. Недавно принятый примерный устав колхозов предполагал увеличение площади приусадебных участков.

Отражением этих противоречивых тенденций явилась череда преобразований в органах госбезопасности. 10 июля было распущено ПТУ. Вопросы государственной безопасности переходили в ведение Народного комиссариата внутренних дел (НКВД), возглавляемого Г.Ягодой. Эти органы лишались своих юридических полномочий и права выносить смертные приговоры. Над их деятельностью устанавливался прокурорский надзор. К сожалению, все эти меры не возымели того действия, на которое рассчитывали сторонники менее твердой политики. В ноябре были учреждены особые совещания НКВД, обладавшие такими же полномочиями, что и прежние юридические коллегии ПТУ. Что касается процедуры выдачи ордеров на арест, осуществляемой с санкции прокурора, то необходимость в ней отпала. Генеральный

прокурор Вышинский, занявший этот пост, предоставил органам государственной безопасности полную свободу действий. Противоречивость этих мер легко объяснялась наличием в руководящих партийных органах двух тенденций: одной — сталинской, направленной на проведение жесткой линии, а второй — более умеренной, поддерживаемой Кировым. Как отмечалось уже выше, мнения некоторых советских историков, высказанные вскоре после XX съезда КПСС, о существовании оппозиционного течения во главе с Кировым, не являются убедительными. Ничего тут не меняет и публичное выступление Кирова, опубликованное 19 июля в «Правде», в котором он подверг критике Сталина за политику вымогательства и за злоупотребления по отношению к крестьянству во время хлебозаготовок. Такая политика, по словам Кирова, лишь подрывала развитие сельского хозяйства, а в более широком смысле и построение социализма вообще.